

Русистика и компаративистика. 2021. Вып. XV. С. 72–91
Russian Philology and Comparative Studies. 2021. (XV): 72–91

Научная статья

УДК 821.161.1

УДК 821.161.2

<https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.05>

ОБРАЗ ГОРОДА В «БЕЛОЙ ГВАРДИИ» МИХАИЛА БУЛГАКОВА И В «ГОРОДЕ» ВАЛЕРЬЯНА ПИДМОГИЛЬНОГО

Антони Бортновски

Университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша, a.bortnowski@amu.edu.pl, <https://orcid.org/0000-0002-9963-1798>

Аннотация. В статье сопоставлены образы Киева в романах Михаила Булгакова «Белая гвардия» и Валерьяна Пидмогильного «Город». Оба произведения были написаны в 1920-е гг. и отражают специфику киевской действительности в момент исторических перемен. Цель исследования — указание ключевых различий в изображении города русским и украинским писателями, которые обусловлены как национальным, так и социальным происхождением авторов. В статье также рассматривается вопрос, являются образы Киева в анализируемых романах комплементарными или взаимоисключающими.

Ключевые слова: «Белая гвардия», «Город» («Місто»), Михаил Булгаков, Валерьян Пидмогильный, образ города, Киев в художественной литературе.

Для цитирования: Бортновски А. Образ города в «Белой гвардии» Михаила Булгакова и в «Городе» Валерьяна Пидмогильного // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 72–91. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.05>.

Original article

THE IMAGE OF THE CITY IN “THE WHITE GUARD” BY MIKHAIL BULGAKOV AND IN “THE CITY” BY VALERYAN PIDMOGILNY

Antoni Bortnowski

Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland, a.bortnowski@amu.edu.pl,
<https://orcid.org/0000-0002-9963-1798>

Abstract. The article compares the images of the city in the novels of Mikhail Bulgakov “The White Guard” (1925) and Valerian Pidmogilny “The City” (1928). The aim of the study is to reveal the peculiarities of the perception of the Kiev space in the works written in the 1920s, and reflecting the specifics of their time. At the same time, the authors are representatives of Russian and Ukrainian cultures, which is reflected in their views on Kiev. The analysis of the Kiev space is carried out in a geopoetic key, aimed at revealing the deep meaning of individual elements of urban reality. In the context of the analysis of the literary image of Kiev as an ethnoculturally heterogeneous space, the comparative analysis of the “White Guard” and the “City” corresponds to the principles of internal comparative studies, comparing the perception of a given territory from the point of view of national environments coexisting in it. Images of the Kiev space and its components (urban nature, monuments, linguistic space, city residents, etc.) in the “White Guard” and “City” represent two perspectives — the view of the defenders of the fortified city from external forces threatening it and the position of people aspiring to conquer and rebuild the city of representatives of the new era. For both the former and the latter, the city is of key importance. The look from within determines the attitude towards the city in Bulgakov’s novel — this is a native space filled with positive emotions, which becomes dangerous only at the moment of invasion of hostile external forces. However, even then, the characters can find shelter among family and friends, behind the “cream curtains” of their home. In Pidmogilny’s novel, Kiev is initially a space alien to the protagonist, he conquers the city, but does not cease to feel the loneliness and hostility of the surrounding reality. Bulgakov’s city relies on the legacy of the past, which should help to withstand historical turmoil, while Pidmogilny’s Kiev rejects its history and traditions. This is due not only to the specifics of the Soviet era — the article provides arguments in favor of the assertion that the Ukrainian context of the novel “City” is by no means secondary. Therefore, Kiev at Pidmogilny’s novel should become not so much Soviet as Ukrainian, thereby ensuring the final conquest of the urban space by Ukrainian culture, previously traditionally associated with the life of the province. Thus, the “White Guard”

and “The City” present two national environments that for centuries played a dominant role in the formation of the specificity of the Kiev cultural space and perceived the importance of the city in different ways. Comparison of its images in the analyzed novels reveals the key differences in the perception of the city in the Russian and Ukrainian ethnocultural key, proving the importance of both angles for the holistic characterization of the image of Kiev in fictional writing.

Key words: “White Guard”, “The City” («Місто»), Mikhail Bulgakov, Valeryan Pidmogilny, the image of the city, Kiev in fictional writing.

For citation: Bortnowski A. The image of the city in “The White Guard” by Mikhail Bulgakov and in “The City” by Valeryan Pidmogilny. *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. trudov / Gl. red. S.A. Vasil’ev. Vyp. XV. = Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. M.: Knigodel, 2021; (XV): 72–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.05>.

© Бортновски А., 2021

Введение. Образы Киева в художественной литературе первой половины XX в. появлялись довольно часто, хотя произведений, в которых этот город занимает центральную позицию, не так уж много. Среди романов, действие которых тесно связано с киевскими реалиями, следует, безусловно, назвать два произведения 20-х гг. — «Белую гвардию» (1925) Михаила Булгакова и «Город» («Місто», 1928) Валерьяна Пидмогильного. В обоих романах Киев занимает особое место — Булгаков списал с него свой не названный по имени священный *Город*, противостоящий хаосу революции, а Пидмогильный уже самим заглавием указал на значение метрополии, без покорения которой невозможно идти вперед, в будущее.

Романы Булгакова и Пидмогильного, представляя две национальные стихии — русскую и украинскую, формировавшие (часто в условиях конфронтации) киевскую действительность, являются, на наш взгляд, крайне интересным предметом сравнительного анализа. Тем более удивляет факт, что комплексного сопоставления данных произведений, написанных практически в одно и то же время, до сих пор не существует. Исключением, пожалуй, в данном случае кажется работа Ярослава Полищука, в которой дана характеристика изображения Киева в «Белой гвардии» и «Городе» в контексте более широкого вопроса киевской темы в литературе новейшего времени [Полищук: 29–31]. К сожалению, вопрос значения Киева для русской истории, культуры и литературы остается сегодня крайне политизированным, о чем свидетельствуют попытки сопоставлять анализируемых нами авторов в контексте современных российско-украинских отношений [Масенко].

В нашей статье мы попытаемся посредством сравнения образов города в «Белой гвардии» и «Городе» раскрыть специфику взгляда каждого из авторов, обусловленную как национальной, так и социальной составляющей. Булгаков и Пидмогильный показывают в своих романах один и тот же город, но с абсолютно разных позиций — в статье мы попытаемся указать специфику и истоки различий, а также ответить на вопрос, являются ли анализируемые образы киевского пространства комплементарными или взаимоисключающими.

Раскрывая образ города в романах, мы будем исходить из точки зрения Марии Веселовой, которая, поясняя различия между *обликом* и *образом*, указывает на то, что второе понятие — это «сложное, постоянно развивающееся образование, обусловленное рядом факторов: социально-культурной ситуацией, физическими качествами самого города, установками индивида, его представлением о мире в целом и его месте в этом мире» [Веселова: 97]. Данную точку зрения развивает в геопоэтическом ключе Юлия Горелова, предложившая в своей статье следующее толкование ключевого для нас понятия: «Образ города нами рассматривается как совокупность двух подсистем: визуально-воспринимаемой, существующей в объективной реальности, и складывающейся из особенностей предметно-пространственной среды (прежде всего архитектурной и природно-ландшафтной составляющих), и «мифической», предстающей как рефлексия личностей <...>, населяющих данное пространство. С этой точки зрения образ города задается совокупностью образов-символов, мифов, представляющих визуально воспринимаемый облик города, отраженный в сознании его жителей» [Горелова: 18]. Образ города в нашем случае становится тождественным понятию «души города», толкование которого предложил Николай Анциферов: «В каком смысле можно говорить о душе города? Исторически проявляющееся единство всех сторон его жизни (сил природы, быта населения, его роста и характера его архитектурного пейзажа, его участие в общей жизни страны, духовное бытие его граждан) и составляет душу города» [Анциферов: 48].

Важное значение для нашего анализа имеют также рассуждения Юрия Лотмана о семиотике города, являющего собой механизм, противостоящий времени, место столкновения естественного и искусственного [Лотман: 208–220], и работа Эльжбеты Рыбицкой, посвященная вопросам геопоэтики. Польская исследовательница подробно рассматривает в ней столь важные для нас вопросы геокритики, в частности, в контексте ее мультифокализации и компаративистского уклона [Rybicka: 70–72]. Анализ образов киевской действительности в романах Булгакова и Пидмогильного следует отнести к внутренней компаративистике, принципы которой определила в своей работе Квирына Земба [Ziemba: 72–82]. Главным выводом статьи можно считать утверждение, что раскрытие специфики

пространств с неоднородной культурной и национальной идентичностью не может быть полным без учета всех присутствующих в нем этнокультурных контекстов.

Методология исследования. Подытоживая вышесказанное, отметим, что основными методами, на которых строится наше исследование, стали: 1) сравнительно-исторический как наиболее подходящий для изучения международных литературных связей и сравнения литературных явлений в разных странах; 2) структурно-семиотический, актуальный для сопоставительного анализа значений отдельных городских образов-символов и формируемых с их помощью целостных и комплексных панорам киевской действительности; 3) геопоэтический, используемый для анализа взаимосвязей между художественным пространством романов и имажинальной географией киевского пространства.

Основная часть. В «Белой гвардии» и «Городе» больше общего, чем могло бы показаться на первый взгляд. Хотя романы относятся к разным национальным литературам, их объединяет отнюдь не только место действия. Как уже упоминалось, произведения были написаны с разницей в несколько лет и стали отражением сложных переломных времен в истории России и Украины. И в «Белой гвардии», и в «Городе» мы имеем дело с молодыми героями, которые оказались в новых, чуждых им условиях, были вынуждены искать свой путь в стремительно меняющейся действительности. В обоих романах персонажи должны определиться в вопросе отношений с прошлым и настоящим и, наконец, переосмыслить нормы морали, суть межчеловеческих отношений. Все эти процессы проходят в условиях большого города, ставшего сценой исторических перемен.

Интересно, что герои Булгакова и Пидмогильного неоднократно оказываются в одних и тех же местах, в романах появляются те же характерные элементы киевского пейзажа. Степан Радченко, главный герой «Города», направляется на Андреевский спуск, чтобы встретиться с живущей там Надийкой, отношения с которой олицетворяют потерянную связь главного героя с прошлым. Именно эта улица стала также прообразом Алексеевского спуска из «Белой гвардии», на котором проживала семья Турбиных. Еще более интересное совпадение — это появление в самом конце романа Пидмогильного улицы Малой Подвальной¹, той самой, с которой Булгаков ранее списал свою Мало-Провальную. В «Белой гвардии» с ней связаны судьбы и Николки Турбина, который находит там дом Най-Турсов, и его старшего брата Алексея, спасенного после ранения петлюровцами Юлией Рейсс. Именно на этой улице живут также родители Риты из «Го-

¹ Название, употребленное в романе, отличается от ее оригинального написания: «Мало-подвальная».

рода» (последняя пассива Степана Радченко), у которых она остановилась, приехав из Харькова.

Образ города-крепости

В обоих произведениях город играет ключевую роль, становится своего рода крепостью, приобретает символическое значение — его следует либо защищать и отстаивать, как делали это Турбины в «Белой гвардии», либо завоевывать и покорять, подобно Степану Радченко. И у Булгакова, и у Пидмогильного город не является лишь местом действия, он обладает своей внутренней силой, побуждающей героев к действию, влияющей на их поведение и мировосприятие. Метрополия является также в обоих романах центром притяжения: «Вся эта масса <...> держала свой путь на Город» [Булгаков: 68], — заявляет булгаковский повествователь, описывая людей, стремившихся укрыться от большевиков на берегах Днепра. У Пидмогильного гравитация уже советского Киева ощущается с не меньшей силой, хотя в новых социальных условиях объектом ее воздействия перестают быть буржуазные элиты: «І місто (Степан. — А. Б.) бачив, як могутній центр тяжіння, що круг нього крихітними планетами обертаються села <...>» [Підмогильний: 129]. Симптоматично, что и у Булгакова, и у Пидмогильного город обособлен от окружающих его украинских территорий. Тем самым Киев не может рассматриваться как часть описанной Натальей Беловой оппозиции, представляющей собой противопоставление столицы и провинции как разных полюсов национальной жизни [Белова: 90]. В «Белой гвардии» Город пытается противостоять внешним враждебным силам, живет своей собственной жизнью, на что указывает полная неосведомленность горожан о происходящем за пределами метрополии: «<...> Что делается кругом, в той настоящей Украине <...>, — этого не знал никто. Не знали, ничего не знали не только о местах отдаленных, но даже — смешно сказать — о деревнях, расположенных в пятидесяти верстах от самого Города» [Булгаков: 72]. Из слов повествователя ясно вытекает, что Город может только формально быть украинским, но к *настоящей* Украине он не относится, хоть и является ключом для ее покорения: «<...> Решительно все уже знали, что он (Петлюра. — А. Б.), таинственный и безликий, желает ее, Украину, завоевать, а для того, чтобы ее завоевать, он идет брать Город» [Булгаков: 89]. Как уже ранее упоминалось, необходимость покорения города осознает также главный герой романа Пидмогильного: «Не ненавидіти треба місто, а здобути» [Підмогильний: 28]. При этом Киевом не столько надо завладеть, сколько разрушить его и построить заново: «<...> Тисячі приходять до міста, <...> непомітно підточуючи його гнілі підвалини, щоб покласти нові й непохитні. Тисячі Левків, Степанів і Василів облягають ці непманські оселі, стискають їх і завалять» [Підмогильний: 28]. Необходимость уничтожения города и создания его заново перекликается со сформулированной Юрием Лотманом концепцией

идеального искусственного города, который «должен был быть лишен истории, поскольку разумность <...> означала отрицание исторически сложившихся структур. Это подразумевало строительство города на новом месте и, соответственно, разрушение всего “старого”, если оно здесь находилось» [Лотман: 212]. В образе Киева у Пидмогильного четко прослеживается стремление смотреть в будущее, отвергнуть историю, которая в новых условиях стала лишь грузом, тормозящим развитие. Один из героев «Города» определяет суть киевской действительности следующими словами: «Знаєте, що таке наше місто? Історична здохлятина. Віками тхне. Так і хочеться його провітрити» [Підмогильний: 92]. Восприятие героями Киева как чужеродного пространства приводит к ситуации, в которой у Пидмогильного, так же, как и у Булгакова, город нельзя отнести к «настоящей» Украине, хотя здесь, конечно, речь идет прежде всего о социальном измерении. Шире данный вопрос проанализировала в статье, посвященной проблематике *Города*, Лада Коломиец, отметив, что «місто ніколи не було українським органом нації, <...> в реальності було чуже селянству, цей ворожий простір “нависав” пасткою, “глушив” небезпечною» [Коломієць].

Национальное измерение городской действительности

Романы Булгакова и Пидмогильного представляют принципиально различающиеся подходы к национальному вопросу. В «Городе» Киев рассматривается исключительно в украинском ключе и, несмотря на упоминание в произведении процесса украинизации, прямо указывающей на неоднозначность языковой ситуации в городе, не предстает пространством сосуществования разных национальных начал. В данном случае Киев Пидмогильного кардинально отличается от Города Булгакова.

В «Белой гвардии» повсеместно ощущается присутствие русской культуры: кроме семьи Турбиных с их укладом жизни и традициями, это и изображающая Александра I картина в опустевшей Александровской гимназии, и цитаты из «Бородина» Лермонтова [Булгаков: 107], и даже «черные онегинские баки» [Булгаков: 248] в толпе на Софийской площади. В данном контексте следует согласиться с мнением Владзимежа Вильчинского, что Булгаков представил в своем романе чисто русский взгляд на киевские события 1918 г. [Wilczyński: 551–560]. У Пидмогильного ситуация кардинально отличается — советский Киев лишен не только своей русской составляющей, но и вообще перестает быть многонациональным городом. Это, конечно, отчасти может быть связано со спецификой советского времени, когда на первый план выдвинулись социальные вопросы. Вместе с тем Пидмогильный явно сосредоточен на украинской составляющей киевского пространства, что неоднократно подчеркивается на страницах романа. Это уже видно на примере языка произведения: если Булгаков многократно использует украинизмы или просто приводит высказывания

горожан на украинском, то текст «Города» остается последовательно моноязычным. Исключением в данном случае являются лишь слова одного из киевлян, которому не нравились «порядкі советські» [Підмогильний: 227] (а не *радянські*). При этом следует помнить, что Киев 20-х гг. оставался преимущественно русскоязычным (или даже русским, согласно переписи населения 1919 г.¹) городом, что в романе Пидмогильного отражается главным образом в упоминании проходящей с трудом украинизации. Степану, ставшему преподавателем украинского языка, приходилось просвещать потомственных служащих, которые «хотіли їсти, а не відміняти, й дуже мало могли бути свідомі тих високих обов'язків перед українською нацією, що лягли їм на плечі» [Підмогильний: 93]. Пидмогильный, отмечая сложности с внедрением украинского языка в Киеве, не стремится, в отличие об Булгакова, воссоздать языковые реалии города. Закономерным в данном контексте кажется также подбор фамилий героев: среди персонажей Пидмогильного только ненавистный протагонисту литературный критик носит русскую фамилию *Светозаров* — у всех остальных либо украинские (главный герой Радченко), либо польские фамилии (возлюбленная Степана Зоська Голубовская, его приятель — поэт Выгорский). В «Белой гвардии» также достаточно много фамилий польского происхождения (Мышлаевский, Шполянский, Студзинский), а вот типично украинскими Булгаков наделил лишь петлюровцев (казак Буценко, полковник Сосненко). При этом Город в «Белой гвардии» в более высокой степени, чем Киев Пидмогильного, многонационален. Кроме названных уже представителей основных культур — русской и украинской, в нем заметны также евреи, согласно вышеупомянутой переписи составлявшие в 1919 г. 21% киевлян [Перепись г. Киева 16 марта 1919 г.]. Это не только убитые петлюровцами подрядчик Фельдман и оставшийся лежать у входа на Цепной мост неизвестный, но и, например, зубной врач Берта Яковлевна Принц-Металл [Булгаков: 165], мелькнувшая лишь перед глазами Николки Турбина на киевской вывеске и ставшая одним из многочисленных мазков, создающих красочную панораму многонационального города. В романе Пидмогильного представителей других национальностей фактически нет — исключением является лишь играющий на одной из вечеринок «худой еврей-тапер» с «безразличными глазами профессионала» [Підмогильний: 194]. Отдельные элементы, отсылающие к русской культуре или советским реалиям того времени, — это лишь упоминание о литературных вкусах знакомых главного героя, которые читают Загоскина, и портреты Ленина в комнатах приехавших в город молодых украинцев. В первом случае одобрение творчества русского писателя первой

¹ Русскими в 1919 г. назвали себя 42,6% киевлян, что почти вдвое превышало долю украинцев — 23,6% [Перепись г. Киева 16 марта 1919 г.].

половины XIX столетия явно следует рассматривать как свидетельство отсталости и незрелости молодых читателей, второй пример — это, по всей вероятности, формальная дань духу того времени. Данное предположение подтверждает факт, что вождь революции либо появляется третьим (!) среди изображений украинских писателей («спокій почувались у стрункій лінії портретів на стіні, теж уквітчаних рушниками — Шевченко, Франко і Ленін» [Підмогильний: 21]), либо и вовсе висит рядом с иконой Николая Чудотворца [Підмогильний: 31]. Итак, нельзя сказать, что Пидмогильный, подчиняясь тенденциям своего времени, сосредоточился лишь на классовом измерении городского социума и отодвинул на второй план национальный вопрос. Об этом свидетельствует уже тот факт, что «Город» — это история становления именно украинского, а не советского писателя. «Виходить, ти — український письменник?» [Підмогильний: 222] — в конце романа спрашивает главного героя его давний приятель.

Памятники как образы-символы киевского пространства

Различия во взглядах на город и его наследие в романах Булгакова и Пидмогильного заметны также в способе представления появившихся в обоих произведениях значащих элементов киевского пространства. Итак, в «Белой гвардии» лейтмотивом, символизирующим вечные духовные ценности, становится памятник Святому Владимиру со сверкающим над Городом и Днепром крестом. «Летом, в черной мгле, в путаных заводах и изгибах старика-реки, <...> лодки видели его и находили по его свету водяной путь в Город, к его пристаням» [Булгаков: 67]. Именно водяной путь проделывает поздним летом Степан Радченко перед своей первой встречей с Киевом. Его, правда, не ведет уже сверкающий крест — фигура Святого Владимира в романе Пидмогильного утрачивает свое сакральное значение, становится анахронизмом, ускользнувшим от глаз истории. Городские толпы не замечают памятника, «що зберіг у цьому закутку свій хрест, благословляючи ним тепер купання киян на пляжі» [Підмогильний: 37]. Становится очевидным, что этот крест не имеет уже ничего общего с булгаковским, который в конце «Белой гвардии» «с грешной и окровавленной и снежной земли поднимался в черную, мрачную высь» [Булгаков: 284].

В обоих романах появляется также второй известный памятник, который пережил все исторические потрясения и является сегодня одним из символов Киева, — фигура Богдана Хмельницкого на Софийской площади. В каждом из произведений он в определенной степени может быть рассмотрен в контексте русско-украинских отношений, что не удивительно, учитывая историческую роль Хмельницкого. Итак, в «Белой гвардии» памятник гордо возвышается над толпой, собравшейся приветствовать занявшие Город петлюровские войска. «Богдан Хмельницкий с булавой, чернея на небе, указывал на северо-восток» [Булгаков: 245]. Фигура

гетмана в изображении Булгакова, как и памятник Святому Владимиру, становится олицетворением глубокого восприятия истории, несовместимого с суетой и хаосом гражданской войны. «Богдан яростно рвал коня со скалы, пытаясь улететь от тех, кто навис тяжестью на копытах. Лицо его <...> было яростно, и по-прежнему булавой он указывал в дали» [Булгаков: 246]. В «Белой гвардии» Хмельницкий, как видно, непоколебим в своем курсе и одновременно разъярен карабкающейся на постамент толпой, мешающей ему устремиться в небесные дали. Пидмогильный в своем романе также обращает внимание на стойкость фигуры Богдана Хмельницкого, который, в отличие от других дореволюционных памятников, остался на прежнем месте. «Тільки Богдан скакав незайманий на баскому коні й показував на північ булавою, чи то погрожуючи нею, чи збираючись її схилити» [Підмогильний: 40]. Оставляя открытым вопрос, с какой целью Хмельницкий поднял булаву в северном направлении, Пидмогильный словно указывает на неопределенное будущее русско-украинских отношений, одновременно намекая на относительно недавние события гражданской войны. Таким образом, уже изображение памятника Богдану Хмельницкому указывает на фундаментальные идейные расхождения в обоих романах. У Булгакова Город кажется интегральной частью общерусского культурного пространства, выделяющейся на фоне украинского окружения, а у Пидмогильного Киев, хоть и противопоставленный остальной Украине, лишь в ограниченной степени воспринимается в общесоветском контексте.

Ассоциативное измерение городского пространства

Отличия между романами Булгакова и Пидмогильного касаются не только отдельных элементов городского пространства, но и городского пейзажа в целом. Он описан совершенно разными красками: в «Белой гвардии» преобладают светлые тона, картины, вызывающие положительные ассоциации (ситуацию меняет, правда, вторжение исторических потрясений), а у Пидмогильного Киев представляет собой контрастное сочетание мрачного, гнетущего пространства с ярким, резким светом и беспорядочным шумом улиц. Вопрос символики цвета в романе «Белая гвардия» подробно проанализирован в статье Валентины Высоцкой [Высоцкая: 92–104], мы приведем лишь несколько примеров, дополняя их звуковыми и ольфакторными ощущениями. И так, Город в «Белой гвардии» «переливался, светился, и танцевал, и мерцал» [Булгаков: 67], просыпался «сияющий, как жемчужина в бирюзе» [Булгаков: 73]. «И было садов в Городе так много, как ни в одном городе мира» [Булгаков: 66]. «Днем с приятным ровным гудением бегали трамваи» [Булгаков: 66]; зимой приходил белый, мохнатый декабрь, «сверкающий снегом и счастьем» [Булгаков: 26], а весной пахло сиренью [Булгаков: 29]. Город сохраняет свой *аромат* даже в разгар гражданской войны, на что обратил внимание Алексей Турбин,

оказавшись в бывшем модном магазине: «У мадам Анжу еще до сих пор пахнет духами. Нежно и слабо, но пахнет» [Булгаков: 159].

Киевский пейзаж у Пидмогильного представлен в совершенно другом ключе: здесь нет гармонии человека и природы, нежных ощущений, умиротворяющих сочетаний запахов и звуков. Город становится примером предложенного Юрием Лотманом понятия *эксцентрического города*, в котором «актуализируется <...> оппозиция “естественное — искусственное”. Это город, созданный вопреки Природе и находящийся в борьбе с нею, что дает двойную возможность интерпретации города как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращенности естественного порядка, с другой» [Лотман: 209]. Киев уже в самом начале «Города» представлен как противоречащая законам природы тюрьма — и для людей, которые словно заключенные спускались к Днепру [Підмогильний: 7], и для природы. Именно она в романе Пидмогильного разоблачает противоестественную суть города. «Ніщо не викриває так штучності міста, як саме весна, розтоплюючи й тут сніги, але оголюючи мертвий брук замість сподіваного зела» [Підмогильний: 85]. Вместо булгаковских «огромных пятен» садов «с аллеями, каштанами, оврагами, кленами и липами» [Булгаков: 66], главный герой Пидмогильного замечает лишь картину поработанной природы: «Навкруги він бачив страшно погноблення природи, і дерева камінних вулиць та обгороджених садків, замкнені тут у клітки, як дивовижні тварини по звіринцях, журно простягали йому своє набрякле гілля» [Підмогильний: 85]. Зима также в романе Пидмогильного оказывается неприглядной, «скользкой» [Підмогильний: 124], когда в «безконечній сльоті люди здавались сірими, як і болото на вулиці» [Підмогильний: 84]. Мрачную картину киевской природы в романе «Город» дополнительно подчеркивают частые упоминания в ее контексте смерти. И так, весной, традиционно ассоциируемой с возрождением природы, в Киеве появляются «смертные лужи зимы» [Підмогильний: 202], а осень, когда «кам'яні звуки міста глухіш бриніли в <...> передсмертній пороожняві» [Підмогильний: 137], ничем не напоминает «теплую осень степей» [Підмогильний: 224], о которой страстно мечтал Степан. Безжизненной кажется главному герою не только природа и архитектура города, как, например, Евбаз, «що здається вночі кладовищем» [Підмогильний: 201], но и сами горожане: «Всі обличчя, що він побачив, були чужі... і якісь неживі! Так, ніби вони давно вже повмирали, давно вже напились отрути. І він раптом почув себе єдиним живим серед безмежного царства смерті» [Підмогильний: 210–211]. Симптоматично, что городской пейзаж мирного времени у героя Пидмогильного вызывает ассоциации со смертью, в то время как у Булгакова даже самые мрачные, казалось бы, образы напоминают о жизни. Примером в данном случае может стать «мертвый четырехъярусный корабль» гим-

назии [Булгаков: 103], вид которого заставляет вспомнить Алексея Турбина светлые годы юности. Таким образом, брошенное здание становится классическим примером «места памяти» в понимании Пьера Нора [Нора: 17–50], которое может, по утверждению Эльжбеты Рыбицкой, объединять фиктивные и автобиографические элементы [Rybicka: 220] и остановить процесс потери прошлого, «реанимировать» его в коллективной памяти [Rybicka: 315]. В романе Пидмогильного вопрос сохранения памяти о прошлом Киева, которому суждено стать *идеальным искусственным городом*, лишенным истории, по очевидным причинам становится неактуальным.

Киев Пидмогильного и Город-Дом Булгакова в контексте оппозиции «свое — чужое»

Образ Киева как искусственного, безжизненного пространства, «царства смерти», прямо противоположен картине уютного Города в «Белой гвардии», который даже зимним утром стоит «еще теплый со сна» [Булгаков: 132]. Однако это не значит, что в романе Булгакова городское пространство изображено в однозначно позитивном ключе — картину в корне меняет вторжение внешних сил. Как справедливо замечает в своей статье Наталья Кадырова, «Город-сад превращается в Город-ловушку, куда попадают горожане, ожидающие прихода Петлюры, Город-лабиринт, из которого с трудом выбираются братья Турбины» [Кадырова: 78]. Таким образом, булгаковское городское пространство становится ближе ощущениям главного героя Пидмогильного, который в какой-то момент стал воспринимать Киев как «безліч розкиданих у велетенському обводі похмурих осель, що з них кожна криє в собі несподіванку й загрозу; відчув плутану мережу вулиць, де можна блукати години й дні в тих самих прямокутних переходах, блукати до сліз і знемоги по оголеному каменю <...>» [Підмогильний: 138]. В итоге и для Степана Радченко, и для героев Булгакова город в какой-то момент предстает угрозой, ловушкой, лабиринтом. Однако ключевым отличием в данном случае становится вопрос дома и семьи, которых лишен главный герой «Города» и которые становятся источником сил и смыслом жизни Турбиных. В итоге образы городского пространства у Пидмогильного и Булгакова могут рассматриваться как очередное выражение универсальной оппозиции «свое — чужое». Как заметила в своей работе Мария Веселова, образ города и дома традиционно взаимосвязаны: «Для Альберти город — это большой дом, а дом — маленький город, а для испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета город — это “как бы сверхдом”» [Веселова: 100]. В романе Пидмогильного данная закономерность не получает своего отражения. Для Степана Радченко Киев так и не становится домом, на протяжении всего романа герой ощущает гнетущее одиночество даже в окружении многочисленных знакомых. «Мав десятки знайомих і жодного друга, ходив поруч, а почував

від усіх незмірну віддаль <...>. І часто, вертаючись із людних зборів, почував гнітющу самотність, пустку в думках і стому» [Підмогильний: 178]. Турбины тоже ощущают в опустевшем городе страх и одиночество, но тут же вспоминают о близких. После смерти Най-Турса Николка «сейчас же понял, что страшно от тоски и одиночества» [Булгаков: 166], после чего вскоре спросил себя «Что-то теперь с Еленой? А Алексей?» [Булгаков: 166]. Алексей Турбин, раненный во время побега от петлюровцев по пустынным киевским улицам, также вспоминает родных: «Еленка рыжая и Николка. Кончено» [Булгаков: 201]. Думает о них и в доме спасшей его незнакомой: «Что с Еленой? Боже, Боже... Николка. За что Николка погиб? Наверно, погиб...» [Булгаков: 205]. Герой Пидмогильного лишен такого рода утешения, даже любовные связи не помогают ему преодолеть одиночество, своего рода *бездомность*. Симптоматично, что со своей возлюбленной — Зоськой — Степан встречается в квартире незнакомой ему девушки. Они словно лишены корней, дома, семейного очага, столь важных в жизни героев «Белой гвардии». Герой Пидмогильного не может скрыться за ставшими лейтмотивом в романе Булгакова «кремовыми шторами», за которыми «израненные души ищут покоя» [Булгаков: 214] в жаркой семейной атмосфере дома, где на столе стоят цветы, «утверждающие красоту и прочность жизни» [Булгаков: 33]. Степану Радченко, прибывшему в Киев, сначала и вовсе приходится жить в хлеву, а потом, перебравшись в отдельную комнату, страдать от холода и одиночества. «Пилом припали його нужденні меблі, і на підлозі гидкими купками лежало незаметене сміття. Мокрий холод знадвору пролазив кризь незаліплене вікно, і пориви вітру деренчали шибкою, з якої обсипалась замазка. В кутку над пальмою, що похилила жовте гілля, зловісно ширилась вогка чорна пляма» [Підмогильний: 117]. Интересно, что оставшаяся в комнате от предыдущих хозяев чахлая пальма, в противоположность цветам у Турбиных, напоминает Степану не о прочности жизни, а «про сумну минуність на цьому світі» [Підмогильний: 99]. Дом Турбиных и место жительства Степана оказываются также на противоположных полюсах оппозиции *свет — тьма*. В отличие от горящих «сильно и весело» [Булгаков: 30] турбинских окон, освещающих окружающее городское пространство, жилище Степана погружено во мрак и противопоставлено залитому огнями городу — оно кажется главному герою темным после уличного блеска [Підмогильний: 167]. Следует отметить, что, даже разбогатев и переехав в престижный район города, герой Пидмогильного так и не почувствовал себя как дома: «Що більше Степан свою кімнату встатковував, то чужішою вона йому була» [Підмогильний: 216]. Новое жилище, так же, как и предыдущее, кажется ему мрачным и безжизненным, с окнами, напоминающими «огромные мертвые лица» [Підмогильний: 212].

Киев Пидмогильного предстает городом не только одиноких и потенциальных людей, но и распадающихся семейных ценностей, что заметно на примере жизни семьи Гнидых, у которых Степен остановился по прибытии в метрополию. Супруги практически не общаются друг с другом, хозяйка становится любовницей главного героя, а единственный взрослый сын Гнидых отказывается от семейной жизни и спивается. Внезапно ожившее в конце романа жилище Гнидых напоминает Степану о прошлом, которое «разлагается, как труп» [Підмогильний: 232]. На фоне всеобщей безжизненности города в романе выделяется лишь Надийка, прибывшая вместе со Степаном в Киев. Имя девушки неслучайно — в конце романа главный герой находит бывшую возлюбленную, т. к. видит в ней последний шанс уехать из города. Отчаянная попытка вырваться из гравитационного поля Киева оказывается, однако, неудачной: увидев Надийку беременной, Степан понимает, что все кончено. Семейные ценности теряют значение и для других героев романа: Зоська не собирается обсуждать с родителями вопрос замужества [Підмогильний: 189], ее знакомые считают, что «бацьки — це найнудніше в світі» [Підмогильний: 193]. Симптоматично, что внутри городских зданий, вместо семейного тепла и уюта, воплощенных у Булгакова, в частности, в картине купания ребенка («Во флигельке, в окошке, завернулась белевская шторка и видно было: Марья Петровна мыла Петьку» [Булгаков: 174]), у Пидмогильного допоздна трудятся служащие: «Це був час, коли пізно гаснуть вікна будинків і всередині коло столів, цих храмів нового поганства, сидять двоногі зосереджені сови, виношуючи, породжуючи й плекаючи адміністративні, господарські, мистецькі й наукові плани» [Підмогильний: 84].

Киев Пидмогильного, сверкающий и блестящий, если проникнуть глубже, обнажает свое гнилое развратное нутро, у Булгакова же может быть наоборот: в критический момент герои находят спасение и укрытие в недрах города. Показательными в данном случае являются истории двух незнакомых женщин, которые уводят героев вглубь городского пространства. Первая спасает Алексея Турбина и по бесконечным запутанным проходам («“Ишь лабиринт... словно нарочно”, — очень мутно подумал Турбин» [Булгаков: 202]) приводит в укрытие. Вторую незнакомую встречает на улице Степан Радченко и, желая найти искреннее общение, также отправляется за ней вглубь темных коридоров и проходов. «Нарешті в кінці затхлого півпідвального ходу вона забрязкотіла ключем і ввела хлопця в якусь просторість, що запахом своїм становила безпосереднє продовження того коридора» [Підмогильний: 218]. В итоге, однако, герой Пидмогильного, вместо женского тепла и заботы, сталкивается лишь с грубостью и бесчувственностью уже немолодой хозяйки-проститутки. Завершающиеся столь разными финалами истории с двумя незнакомыми женщинами могут быть в некоторой степени олицетворе-

нием души города и стать аргументом в пользу возможности обратиться в данном случае к концепции Владимира Топорова. Ученый предложил два образа — города-девы и города-блудницы. В первом случае «целомудрие девы и крепость города <...> не более чем два варианта общей идеи прочности, нетронутости, нерасколотости, гарантии от той нечистоты, которая исходит от захватчика, всегда — насильника» [Топоров: 126–127]. Второй тип города «не блюдет своей крепости и целости, идет навстречу своему падению, ища кому бы отдаться и не спрашивая кто его берет. Этот город-блудница “открыт” на все четыре стороны» [Топоров: 128]. Примером первого в нашем случае станет Город из «Белой гвардии», а второго — Киев в романе «Город». «Город-блудница ищет спасения (понятно, мнимого) в отдаче всем и любому, в превращении каждого “наильника” (с точки зрения города-девы) в своего покровителя» [Топоров: 128]. Исходя из такой трактовки, Степана Радченко следует рассматривать как одного из «наильников», которым предстоит стать новыми хозяевами Киева. Семейство Турбиных и их единомышленники тем временем становятся защитниками чести города-девы, которая отвечает им взаимностью. «Город охраняет, спасает, ограждает находящийся внутри него род, племя, народ, деу, имеющую стать матерью рода» [Топоров: 131].

Выводы. Обобщая сделанные ранее промежуточные выводы, следует сказать, что в романах Булгакова и Пидмогильного город представлен в разных перспективах. В «Белой гвардии» предложен взгляд изнутри — с точки зрения горожан, которые стали свидетелями и участниками трансформации знакомого им пространства. В «Городе» Киев показан как своего рода *terra incognita*, что обусловлено перспективой главного героя, прибывшего покорять чужое и неизвестное пространство. Отвечая на поставленный в начале статьи вопрос о комплементарности или взаимоисключаемости образов киевского пространства в анализируемых романах, следует сказать, что они дополняют друг друга и показывают, насколько точка зрения может изменить картину одного и того же города. Различия в восприятии Киева вытекают из нескольких фундаментальных факторов. Первым из них является отношение писателей к городской среде. Как отмечает в своей работе Игорь Стась, при исследовании городских идентичностей на основании художественной литературы «не принципиально знать, кем является автор текста, важнее определить его принадлежность к той или иной культурной и социальной группе <...>» [Стась: 1816]. В случае с авторами анализируемых романов это имеет ключевое значение: восприятие города и отношение к нему не могло быть одинаковым у происходящего из киевской интеллигентской семьи Михаила Булгакова и у родившегося в бедной крестьянской семье Валерьяна Пидмогильного. Очевидным является факт, что для

первого писателя городская среда будет близкой и знакомой с детства, а второй, попавший в Киев в возрасте 20 лет, отнесется к ней без сентиментов и, скорее всего, настороженно.

Второй фактор, играющий существенную роль в восприятии Киева, — это факт, что авторы относятся к разным национальным литературам. За столетия, которые украинские земли находились в составе Российской империи, сложилась ситуация, в которой города были преимущественно русскоязычными или даже русскими, а окружающие их села оставались украинскими. В такой ситуации для киевлянина Булгакова логичной кажется позиция, защищающая русскую культурную идентичность родного города, а для украинца Пидмогильного, стремящегося укрепить украинскую литературу, подчеркнуть самобытность украинского языка, понятным становится стремление покорить, *отвоевать* столицу. Первый будет опираться на прошлое, традиции, второй — наоборот — устремится в будущее и отвергнет наследие чуждой ему метрополии. Эти тенденции четко просматриваются в обоих образах города, в частности в таких вопросах, как отношение к семье и дому.

Третье фундаментальное различие между образами киевского пространства в «Белой гвардии» и «Городе» напрямую вытекает из второго. В обоих романах присутствует ощущение конца определенной эпохи, начала нового времени. И у Булгакова, и у Пидмогильного герои понимают, что им не остановить хода истории, который, как известно, сильнее всего заметен именно в городах. С другой стороны, древние города, центры человеческой цивилизации естественным образом становятся территорией сохранения памяти о прошлом, наследия предыдущих поколений. В «Белой гвардии» и «Городе» представлены именно эти две противоположные и сдерживающие друг друга силы, формирующие образ города. Первая из них стремится сохранить самое ценное из старого порядка и не дает волне перемен смести все на своем пути, а вторая своим стремительным движением к переменам обеспечивает обновление города и тем самым развитие человеческой цивилизации.

Подытоживая вышесказанное, следует сказать, что сопоставление романов Булгакова и Пидмогильного показывает, насколько обоснованными являются утверждения сторонников внутренней компаративистики о сложности анализа литературного образа территорий с неоднородной культурной и национальной идентичностью. Образы городского пространства в «Белой гвардии» и «Городе» являются очередным доказательством того, насколько отличается восприятие Киева в русской и украинской культурах и насколько важно при раскрытии специфики литературного образа данного города, его души, не ограничиваться лишь одним этнокультурным ракурсом.

Источники

Булгаков М.А. Белая гвардия // Булгаков М.А. Избранные произведения: В 2 т. Киев: Дніпро, 1989. Т 1. С. 26–284.

Підмогильний В.П. Місто. Харків: Фоліо, 2014. 240 с.

Литература

Анциферов Н.П. «Непостижимый город...». Ленинград: Лениздат, 1991. 333 с.

Белова Н.А. Концепт «Город» в современном литературоведении // Вестник Югорского государственного университета. 2012. Вып. 1 (24). С. 87–91.

Веселова М.Н. Образ исторического города в русской культуре // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Серия Философия. 2008. № 1 (10). С. 96–109.

Высоцкая В.В. Символика цветowych сочетаний в романе М. Булгакова «Белая гвардия» // Art. Logos (Искусство слова). 2019. № 3 (8). С. 92–104.

Горелова Ю.Р. Образ города и его отражение в художественных практиках творческой интеллигенции // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительный альманах / Отв. ред. И.И. Минин; сост. Д.Н. Замятин. Вып. 6. М.: Институт Наследия, 2010. С. 15–31.

Кадырова Н.С. Семантическое ядро концепта «Город» в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2012. Вып. 64. № 6 (260). С. 77–79.

Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. 768 с.

Нора П. Проблематика мест памяти. Перевод Д. Хапаева // П. Нора и др. Франция-память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.

Перепись г. Киева 16 марта 1919 г. Ч. 1.: Население. Киев: Киевское губернское статистическое бюро, 1920. 48 с. Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/8745-perepis-g-kieva-16-marta-1919-g-ch-1-naselenie-kiev-1920>. Дата обращения: 29.09.2021.

Стась И.Н. Исследования городских идентичностей в исторической урбанистике Сибири // Quaestio Rossica. Vol. 8. 2020. № 5. С. 1807–1821.

Топоров В.Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста / Ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1987. С. 121–132.

Коломієць Л.В. «Місто» В. Підмогильного: проблематика та структурна організація // Слово і час. 1991. № 5. С. 64–70. Режим доступа: <https://>

md-eksperiment.org/post/20160719-misto-v-pidmogilnogo-problematika-ta-strukturna-organizaciya. Дата обращения: 29.09.2021.

Масенко Л. Т. Україна і Російська імперія. Постколоніальне прочитання творів Михайла Булгакова // Радіо Свобода. 2019. Режим доступа: <https://www.radiosvoboda.org/a/30288297.html>. Дата обращения: 29.09.2021.

Полищук Я. О. Імагологічний вимір Києва в художній літературі новітньої доби // Київ і кияни у соціокультурному просторі ХІХ–ХХІ століть: національний та європейський контекст: Матер. Всеукр. наук.-практ. конф. Київ: Університет ім. Б. Грінченка, 2012. С. 27–33.

Rybicka E. Geopoetyka. Przestrzeń i miejsce we współczesnych teoriach i praktykach literackich. Kraków: Universitas, 2014. 474 p.

Wilczyński W. “Biała gwardia” Michała Bułhakowa: antyukraińska strategia retoryczna // *Slavia Orientalis*. Vol. 54. 2005. № 4. Pp. 551–560.

Ziemia K. Projekt komparatystyki wewnętrznej // *Teksty drugie*. 2005. № 1–2. Pp. 72–82.

References

Istochniki

Bulgakov M.A. *Belaya gvardiya* [The White Guard]. *Izbranny'e proizvedeniya: V 2 t.* [Selected Works: In 2 vols.] Kiev: Dnipro, 1989. Vol. 1. Pp. 26–284.

Pidmogil'nyj V.P. (2014). *Misto*. Xarkiv: Folio. 240 p.

Literatura

Anciferov N.P. (1991). “*Nepostizhimyj gorod...*” [“The Inconceivable City”]. Leningrad: Lenizdat. 333 p. (In Russ.).

Belova N.A. (2012). Koncept “Gorod” v sovremennom literaturovedenii [The “City” Concept In Modern Literary Studies]. *Vestnik Yugorskogo universiteta* [Bulletin of Ugra University]. Rel. 1 (24). Xanty-Mansijsk: YuGU. Pp. 87–91. (In Russ.).

Veselova M.N. (2008). Obraz istoricheskogo goroda v russoj kul'ture [The “Historical City” Image In Russian Culture]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. Seriya Filosofiya*. [Bulletin of the Pushkin Leningrad State University. Philosophy Series.] № 1 (10). Saint Petersburg: LGU. Pp. 96–109. (In Russ.).

Vysockaya V.V. (2019). Simvolika cvetovykh sochetanij v romane M. Bulgakova “Belaya gvardiya” [Symbolism of Color Combinations in the Novel “White Guard” by M. Bulgakov]. *Art. Logos*. № 3 (8). Saint Petersburg: LGU. Pp. 92–104. (In Russ.).

Gorelova Yu.P. (2010). Obraz goroda i ego otrazhenie v khudozhestvennykh praktikakh tvorcheskoj intelligencii [An Image of a City in Artistic Practices

of the Creative Intellectuals]. *Gumanitarnaya geografiya: nauchnyj i kul'turno-prosvetitel'nyj al'manakh*. [Humanitarian Geography: Scientific and Cultural and Educational Almanac]. Otv. red. I.I. Minin. Sost. D.N. Zamyatin. Rel. 6. Moscow: Institut Naslediya. Pp. 15–31. (In Russ.).

Kadyrova N.S. (2012). Semanticheskoe yadro koncepta “Gorod” v romane M.A. Bulgakova “Belaya gvardiya” [Semantic Kernel of the Concept “City” in M.A. Bulgakov’s Novel “White Guard”]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*. [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art Education.] Rel. 64. № 6 (260). Chelyabinsk: ChelGU. Pp. 77–79. (In Russ.).

Lotman Yu.M. (2002). *Istoriya i tipologiya russkoj kul'tury* [History and Typology of Russian Culture]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB. 768 p. (In Russ.).

Nora P. (1999). Problematika mest pamyati. Perevod D. Khapaeva [The Memory-Places Issue. Translation by D. Khapaev]. *P. Nora i dr. Franciya-pamyat'* [P. Nora et al. France-Memory.]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pp. 17–50. (In Russ.).

Perepis' g. Kieva 16 marta 1919 g.: Ch. 1.: Naselenie. [Kiev census March 16, 1919: Part 1: Population.]. Kiev: Kievskoe gubernskoe statisticheskoe byuro, 1920. 48 s. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/8745-perepis-g-kieva-16-marta-1919-g-ch-1-naselenie-kiev-1920>. Accessed: 29.09.2021. (In Russ.).

Stas' I.N. (2020). Issledovaniya gorodskikh identichnostej v istoricheskoj urbanistike Sibiri [Research of Urban Identity in Historical Urban Studies of Siberia]. *Quaestio Rossica*. Vol. 8. № 5. Pp. 1807–1821.

Toporov V.N. (1987). Tekst goroda-devy i goroda-bludnicy v mifologicheskom aspekte [The Text of the City-Virgin and the City-Harlot in the Mythological Aspect]. *Issledovaniya po strukture teksta* [Research on text structure]. Red. T.V. Civ'yan. Moscow: Nauka, 1987. Pp. 121–132. (In Russ.).

Kolomic' L.V. (1991). “Misto” V. Pidmogil'nogo: problematy'ka ta strukturna organizaciya. *Slovo i chas*. № 5. Pp. 64–70. URL: <https://md-eksperiment.org/post/20160719-misto-v-pidmogilnogo-problematika-ta-strukturna-organizaciya>. Accessed: 29.09.2021.

Masenko L.T. (2019). Ukrajina i Rosijs'ka imperiya. Postkolonial'ne prochytannya tvoriv Mixajla Bulgakova. *Radio Svoboda*. URL: <https://www.radiosvoboda.org/a/30288297.html>. Accessed: 29.09.2021.

Polishhuk Ya.O. (2012). Imagologichnyj vymir Kyeva v khudozhnij literaturi novitn'oji doby. *Kyjiv I kyyany u sociokul'turnomu prostori 19–21 stolit': nacional'nyj ta evropejskij kontekst: mater. Vseukr. nauk.-prakt. konf.* Kyjiv: Universytet im. B. Grinchenka. Pp. 27–33.

Rybicka E. (2014). *Geopoetyka. Przestrzeń i miejsce we współczesnych teoriach i praktykach literackich*. Kraków: Universitas. 474 p.

Wilczyński W. (2005). “Biała gwardia” Michała Bułhakowa: antyukraińska strategia retoryczna. *Slavia Orientalis*. Vol. 54. № 4. Pp. 551–560.

Ziemba K. (2005). Projekt komparatystyki wewnętrznej. *Teksty drugie*. № 1–2. Pp. 72–82.

Статья поступила в редакцию 27.04.2021; одобрена после рецензирования 03.07.2021; принята к публикации 29.09.2021.

The article was submitted 27.04.2021; approved after reviewing 03.07.2021; accepted for publication 29.09.2021.

Информация об авторе

Антони Бортновски — доктор гуманитарных наук (PhD); Университет им. Адама Мицкевича; адъюнкт кафедры русской литературы института русской и украинской филологии; сфера научных интересов: образы Киева в русской (и мировой) литературе конца XIX — первой половины XX в., вопросы памяти, самоидентификации, национального сознания, мемуаристика, геопэтика.

Information about the author

Antoni Bortnowski — PhD in Philology; Adam Mickiewicz University; Assistant Professor at the Russian Literature Department of the Institute of Russian and Ukrainian Philology; research interests: images of Kiev in Russian (and world) literature of the late 19th — first half of the 20th century, problems of memory, self-identification, national consciousness, memoiristics, geopoetics.